

**РЕЦЕНЗИИ. ПОЛЕМИКА.
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**

Н. И. Милютенко

БОРИСО-ГЛЕБСКИЙ СБОРНИК – 1

(Борисо-Глебский сборник / Ред. Константин Цукерман. *Collectanea Borisoglebica*. Paris, 2009.
Вып. 1. – 367 с.)

В конце 2009 г. вышел из печати первый выпуск Борисо-Глебского сборника¹.

Первая часть выпуска посвящена отражению Борисо-Глебского культа в изобразительном искусстве, вторая – письменным памятникам. Центральное место в томе, безусловно, занимает статья К. Цукермана, посвященная истории святых братьев в древнейшем русском летописании. Им же написано Предисловие, где редактор указывает на некоторые расхождения своей точки зрения с авторами выпуска.

Первая статья, написанная украинским археологом В. Зоценко («Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор» (С. 17–56)), посвящена Вышгороду, где св. Борис был похоронен своими убийцами и где после захоронения там же останков св. Глеба началось их почитание. В статье дан обзор изучения истории города по письменным и археологическим источникам, подробно описаны его топография и археологические памятники. Статья снабжена картами и схемами, фотографиями и рисунками наиболее важных находок.

По последним археологическим данным, поселение возникло в последней четверти IX – начале X в. К этому времени относится роменская керамика, железоделательный горн, отдельные находки на территории древнего города. В обнаруженных при раскопках и строительных работах погребениях X в. имеются и настоящая скандинавская фибула (овальная), и древнерусское подражание кольцевой фибуле. Как отмечает В. Зоценко, ранние напластования были в значительной мере уничтожены активной строительной и хозяйственной деятельностью XI–XII в.

К этому периоду относится прежде всего сам каменный храм свв. Бориса и Глеба. Предшествующие ему деревянные соборы обнаружить не удалось. По находкам элементов декора прослеживаются оба указанных в «Сказании чудес» строительных периода. Храм построен в последней четверти XI в. киевскими зодчими, достроен и украшен в начале XII в. черниговскими мастерами. Автор не вспоминает об этом, но уже в XVII в. руины каменной церкви использовались для добычи кирпича и камня.

Значение Вышгорода как крупного центра засвидетельствовано княжескими печатями, начиная с убийцы св. братьев, Святополка, времен его киевского княжения (он изображен со всеми атрибутами византийского императора, в том числе с нимбом). Наибольшее количество

¹ Издание также является вторым томом серии: Occasional monographs. Published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies.

печатей принадлежит Изяславу Ярославичу, двумя буллами представлен Владимир Мономах, по одной принадлежит Всеволоду Ольговичу, Ростиславу Мстиславичу и его сыну Святославу. Еще 4 печати не имеют достоверной атрибуции.

К середине XII в. город состоял из детинца и обширных посадов, примыкавших с севера и юга, в природных границах крутых склонов Днепра и оврагов. Вышгород защищали две линии валов и рвов. Экономическое значение города и богатство его обитателей засвидетельствовано многочисленными находками металлургических и гончарных производственных комплексов, мастерскими стекольщика и ювелиров. Среди находок есть значительное количество предметов импорта — от византийской керамической тары, в которой привозили вино и оливковое масло, до фрагментов бронзовых украшений и ближневосточного стекла, византийских и западных монет. Эти данные свидетельствуют о большом значении Вышгорода в истории Киевской земли XII—XIII в. Как отмечает В. Зоденко, в этот период его расценивали еще и как трамплин в перемещении на великокняжеский престол.

В книге опубликована давно ожидавшаяся статья Э. С. Смирновой «Ранние этапы иконографии святых князей Бориса и Глеба. Вопрос византийских образцов и сложения русской традиции» (С. 59—116). Как указывает автор, ее работа посвящена начальному периоду сложения Борисо-Глебской иконографии: XI—XIII в. Но следует отметить, что это и был самый важный период, так как последующие эпохи в основном следовали уже выработанным образцам.

В статье анализируются не только иконы и фрески, но и памятники прикладного искусства. Автор отмечает, что до нас не дошло ни одной иконы свв. Бориса и Глеба XI—XII в. Наиболее ранней признается знаменитая икона второй половины XIII в. из Киевского музея русского искусства (происходит из новгородского Савво-Вишерского монастыря). К тому времени иконография Бориса и Глеба прошла длительный путь развития. Древнейшие изображения XI в. (в том числе парные) сохранились на княжеских печатях (С. 72—73). Каменную иконку св. Глеба-Давида из Тмуторокани исследовательница, как и Е. Архипова (см. отдельную статью в этом же томе), датирует началом XIII в. К началу XII в. относятся выходные миниатюры двух рукописей из собрания ГИМ, которые Э. С. Смирнова считает изображениями Бориса и Глеба. Подробно они рассматриваются в статье Е. В. Ухановой.

Э. С. Смирнова не рассматривает детально энколпионы, отмечая лишь, что в них воплотилась очень ранняя традиция изображать святых с храмами в руках. В послемонгольское время она не прослеживается. В ювелирном искусстве середины XII — начала XIII в. развился свой тип изображения святых в технике перегородчатой эмали по золоту или чернью по серебру.

К концу XII в. относятся изображения свв. Бориса и Глеба на полях иконы св. Николая Мирликийского, происходящей из Новодевичьего монастыря в Москве. По мнению Э. С. Смирновой, она была написана также в Новгороде (С. 102—105). В это же время братья были изображены во главе процессий, подходящих с двух сторон к Богородице в апсиде церкви Спаса на Нередице. Исследовательница полагает, что строитель храма, Ярослав Владимирович, мог быть заказчиком и иконы св. Николая. К 20-м годам XII в., возможно, относились несохранившиеся фрески Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря в Полоцке. Памятник погиб, но сохранились прориси, которые приводятся в статье. К этому же периоду относятся каменные рельефы на стенах Дмитриевского собора во Владимире (90-е годы XII в.), а к 1230—1234 г. новое воплощение образов святых братьев в Георгиевском соборе Юрьева-Польского. Примечательно, что на фасадах Дмитриевского собора святые изображены в обоих вариантах сложившейся иконографии: как мученики с крестами и как вооруженные всадники (С. 97—101).

Заключительный раздел статьи называется «Образы св. Бориса и Глеба в искусстве византийского мира», но речь идет о произведениях, созданных на периферии. Исследовательница рассматривает

фреску сохранившейся в руинах церкви в Кэллунге на Готланде. Византийское, а возможно, и древнерусское происхождение этих росписей всеми признано. Однако извечный вопрос, волхвы или свв. Борис и Глеб здесь представлены, более чем закономерен. Э. С. Смирнова, как и А. С. Преображенский, полагает, что на копии XIX в. различим не младенец-Христос в пещере, а узники, освобожденные святыми из заключения. Другое изображение — фреска храма Вознесения в Мелешевой в Сербии (20-е годы XIII в.), где святые изображены в традиционных княжеских одеяниях с мечами. Если учесть, что в это время территория Византии и сам Константинополь были захвачены крестоносцами, а Сербия совершала сложный маневр между Римом и Никеей в обретении государственной и церковной независимости, то именование ее «византийским миром» представляется мне условным.

Статья Е. В. Ухановой «Древнейшие изображения св. князя Бориса. К истории библиотеки Владимира Мономаха» (С. 119–156) посвящена двум рукописям из собрания ГИМ: Син. 262, Учительное Евангелие Константина Преславского, и Чуд. 12 («Слову Ипполита, папы Римского об антихристе»), где на выходных миниатюрах изображен князь с нимбом и крестом с сопроводительной надписью «святый Борис». В Чуд. 12 ее остатки хорошо видны на увеличенной фотографии (ил. 14). Предполагалось, что в эту же группу входило «Богословие» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна экзарха Болгарского, составителя и редактора «Шестоднева» (Син. 108). Здесь выходная миниатюра вырезана. Два первых раздела работы посвящены истории изучения анализируемых рукописей. Е. В. Уханова установила количество писцов, работавших над тремя рукописями, а также упущенный ее предшественниками факт, что Михаил поповец переписывал не только Учительное Евангелие, но и «Богословие» (С. 134–136). Ее наблюдения над графикой и палеографией положили окончание долгому спору о месте и времени копирования рукописей с болгарских оригиналов. Это было сделано в Киеве в начале XII в.

Оригиналы Син. 262 и Син. 108 (с вырезанной миниатюрой) были созданы, как указано в самих рукописях, в эпоху болгарского царя Симеона (о чем Е. В. Ухановой не упомянуто, но есть ссылка на еще одну ее статью). Близость к ним Чуд. 12 всегда была очевидна, в связи с чем высказывалось предположение, что русские художники скопировали посмертный портрет князя Бориса-Михаила, крестителя Болгарии, отца Симеона. В византийской иконографии император всегда изображался с нимбом, на печатях часто с воздвизальным крестом или с увенчанной крестом державой (ср. печать Святополка в императорских регалиях, ил. 6 к статье В. Зоценко). Этими традиционными атрибутами объясняли особенности изображения князя. Е. В. Уханова показала, что одеяние св. Бориса на двух миниатюрах соответствует двум разным одеяниям, в которых изображен император Никифор III Вотаниат на л. 2 и л. 2 об. Гомилий Иоанна Златоуста по рукописи 1080 г. (ил. 12, а также ил. 9 в статье Е. Архиповой). Отмечу от себя, что он одет не в традиционный лор, как ранее Константин Мономах, а позже Иоанн Комнин на мозаиках Софии Константинопольской, а только в далматiku с оплечьем и далматiku с плащом. Исследовательница наглядно демонстрирует разительное сходство декора и покроя одежд, использование орнаментов, популярных в русском изобразительном искусстве начала XII в., а не более раннего или позднейшего времени. Это доказывает, что миниатюры писали, ориентируясь на современные образцы, и снимает вопрос о предполагаемых болгарских прототипах X в. На миниатюрах изображали св. Бориса Владимировича.

Вывод Е. В. Ухановой неоспорим, и тем более удивительны умолчания или неправильные сведения о содержании рукописей. Не упомянуто, что Учительное Евангелие открывается таким сугубо авторским, личным текстом, как азбучная молитва переводчика. Дальше на с. 135 написано, что в конце рукописи помещен «Летописецъ вскоре патриарха Никифора» (806–815 г.) с небольшими вставками болгарских событий (так называемые «Историкии»). На самом деле памятник озаглавлен «Историкии за Бога въкратцѣ», а не «Лѣтописецъ въскоре». Он начинается словами: «Отъ Адама до потопа лѣтъ 5162...», а «Лѣтописецъ»: «Адамъ, первыи чловѣкъ, бывъ лѣтъ 230,

роди Сифа...». В монографии Е. К. Пиотровской указано, что тексты сопоставимы с правления Тиберия, но и тогда не совпадают полностью².

Желая связать заказ рукописей с Владимиром Мономахом, Е. В. Уханова пишет, что толкования Ипполита были включены в статью 1111 г. Повести временных лет в редакции Сильвестра, игумена фамильного Выдубицкого монастыря Мономаха. Ссылка дана на статью О. В. Творогова о Сказании Ипполита в «Словаре книжников и книжности Древней Руси», где речь идет о 3-й редакции Повести временных лет. Выделение ее условно, как впоследствии писал и сам О. В. Творогов³, но суть дела от этого не меняется. Так называемая 3-я редакция читается в Ипатьевской летописи и ее группе, а приписка Сильвестра — в Лаврентьевской, где она помещена после статьи 6618 (1010) г. Затем известия 1010 г. кратко повторяются под ультрамартовской датой 6619 г., остальные статьи так же кратки, и никаких выписок из «Хроники» Георгия Амартола или толкований Ипполита нет. И уже совсем непонятно, чем вызвано утверждение, что рукописи уцелели, потому что во время татаро-монгольского нашествия были во Владимире. Город был полностью сожжен и разграблен почти за два года до взятия Киева. Например, Чуд. 12, согласно плохо сохранившейся приписке, была подарена Дмитрию Донскому его духовником. Еще раз отмечу, что эти ошибки никак не связаны с основным выводом о создании миниатюр в начале XII в.

Статья украинской исследовательницы Е. Архиповой «Каменная иконка с Тамани с изображением воина-мученика св. Глеба» (С. 160–182) посвящена одному из самых, пожалуй, известных изображений. Исследовательница пересматривает ставшую общепринятой датировку памятника концом XI в. Со времен Б. А. Рыбакова иконку традиционно связывали с княжением в Тмуторокани Глеба Святославича (до 1068 г.). Рассмотрев ряд произведений древнерусской мелкой пластики, византийские и русские перегородчатые эмали, исследовательница приходит к выводу, что иконка относится к концу XII — началу XIII в. Также нет никаких оснований связывать ее с князем Глебом: она могла принадлежать любому человеку, в том числе переселившемуся на Тамань уже после татаро-монгольского нашествия.

Центральное место в сборнике, как я уже отмечала, занимает статья К. Цукермана, но она требует очень подробного рассмотрения, и к ней я вернусь в конце рецензии.

Л. С. Соболева, известная своими работами об Исторических паримиях, поместила в сборнике статью «Воплощение святости Бориса и Глеба в духовных стихах» (С. 309–339). Исследовательница дает обзор весьма немногочисленных работ по этой теме. Она подробно разбирает особенности восприятия в народном творчестве подвига братьев, трансформацию основного конфликта при его восприятии в народной среде. Большое внимание уделено образной системе, которую создают безымянные авторы. Л. С. Соболева отдельно останавливается на старообрядческих сборниках, в которых помещены духовные стихи о Борисе и Глебе. В Приложении дан текст духовного стиха по четырем спискам XVIII — начала XX в. Исследовательница не подводит различия, а публикует тексты параллельно, что позволяет оценить их индивидуальные особенности.

В небольшой статье «Нарративная функция мотива “старейшинства” в летописной повести о Борисе и Глебе» (С. 343–352) киевский исследователь В. Аристов анализирует значение представлений о старшинстве для организации летописного текста. Он прослеживает развитие этого мотива от летописи до Анонимного сказания и Чтения Нестора, указывая на трансформацию сюжета в зависимости от восприятия книжника.

Если предыдущие статьи в основном развивали уже давно намеченные в изучении борисоглебских памятников темы, то работа С. А. Иванова «Несколько замечаний о византийском

² Пиотровская Е. К. Византийские хроники IX в. и их отражение в памятниках славяно-русской письменности («Летописец вскоре» константинопольского патриарха Никифора) // Православный палестинский сборник. СПб., 1998. Вып. 97 (34). С. 63–64, 71, 80–90.

³ Творогов О. В. Существовала ли третья редакция «Повести временных лет»? // In memoiam: Сб. памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 203–209.

контексте борисоглебского культа» открывает совершенно новые возможности. Речь идет не об обнаружении новых памятников, все тексты были опубликованы еще в начале XX в. Однако все поколения исследователей, занимавшихся этой темой, дружно проходили мимо них. С. А. Иванов разбирает цикл памятников, посвященных убийству императора Никифора II Фоки в 969 г. Иоанном Цимисхием. То, что он приходился убитому императору родственником, создавало дополнительную параллель истории Бориса и Глеба. До наших дней дошли канон, свидетельствующий о почитании императора как святого хотя бы в узком кругу, упоминание о совершенном им исцелении повара в Житии Афанасия Афонского начала XII в. и рассказ о Никифоре в апокалиптическом Видении Анастасии. Кроме того, было и фольклорное «Сказание об убиении Никифора». Два последних текста есть в славянском переводе, а «Сказание» только в нем и сохранилось. Древнерусские списки известны лишь с XVII в.⁴ Сюжет с исцелением императором-мучеником повара Великой Лавры Николая сходен с историей исцеления свв. Борисом и Глебом бывшего епископского повара монаха Мартина в Турове. Но текстуальных совпадений между ними нет (С. А. Иванов опубликовал перевод этого отрывка).

Существенно, однако, не то, знали ли на Руси эти памятники, а то, что через призму византийского понимания судьбы Никифора воспринимался греческими иерархами на Руси подвиг свв. Бориса и Глеба. Уже первым исследователям цикла было ясно, что если служба святым была написана, как это следует из заглавия, митрополитом Иоанном (I или II), то она была греческой. Некоторые греческие параллели к стихирам приведены В. Б. Крысько⁵. Многие кальки с греческого в тексте Анонимного сказания о Борисе и Глебе указал Л. Мюллер. С. А. Иванов приводит ряд новых параллелей, позволяющих ему говорить, что ядро этого текста было написано по-гречески. Отмечу от себя, что в летописи калек с греческого нет.

Основное место в сборнике и по объему, и по значению занимает статья К. Цукермана «Наблюдения над сложением древнейших источников летописи» (С. 185–305). Автор выдвигает гипотезу, что древнейший памятник русского летописания заканчивался рассказом о битве под Любечем между Ярославом и Святополком. К нему была приписана статья 6525 г. так, как это выглядит сейчас в Новгородской 1 летописи старшего и младшего изводов (далее — Н1 ст. и Н1 мл.). Значительная лакуна после этой статьи и краткость изложения Н1 ст. соответствуют, по его мнению, первой стадии развития летописного текста «Повести временных лет» (ПВЛ–3), а Н1 мл. — своду 1076 г. (ПВЛ–2); ПВЛ–1 представлена сводом 1090 г. (С. 187). По сути это старая шахматовская схема за исключением того, что он датировал Древнейший свод на 20 лет позже: 1037 г., а к 1017 г. относил первую фазу новгородского летописания. То, что текст «Повести временных лет» неоднороден, как неоднороден и текст, представленный в Н1 мл., было установлено со времен А. А. Шахматова. Много нового в этом отношении дали последние исследования А. А. Гиппиуса. Он указал границу по статье 6723 г. в ПВЛ на основании того, что здесь, в рассказе о Любечской битве, последний раз перед большим перерывом сохранилась первоначальная форма аориста глагола «речи»: «рѣша». Все эти точки зрения, как и высказанные ранее возражения, приведены К. Цукерманом во вступительных разделах (С. 185–199).

В статье есть много ценных и интересных наблюдений. Это касается соображений о варяжской дани и присоединении Червенских городов при Владимире и повторно при Ярославе (С. 205–206); об особенностях текста Чтения о Борисе и Глебе, написанного Нестором Печерским (С. 207–215), в первую очередь, о его сравнении Святополка с Юлианом Отступником (С. 240–241). Можно оспорить и датировку Любечской битвы 1016 г., как это делает автор, и

⁴ Салмина М. С. Повесть о Никифоре Фоке // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Ч. 2. Вторая половина XIV–XVI в. Л., 1989. С. 255–256.

⁵ Крысько В. Б. О греческих источниках и реконструкции первоначального текста древнерусских стихир на Борисов день // Miscellanea slavica. Сб. статей к 70-летию Б. А. Успенского. М., 2008. С. 92–108.

предположить княжение Святополка в Киеве до 1023 г. (С. 215–222), так как деление единого текста на погодные статьи относится к 70-м годам XI в. Естественно, подкреплением этой точки зрения никак не может служить упоминание в «Хронике» Иоанна Скилицы родича Владимира Хрисохира. К. Цукерман согласен с предположением своих предшественников, что он был сторонником Святополка и пришел в Византию около 1023 г., но в «Хронике» этих сведений нет. К. Цукерман приводит новые важные аргументы в пользу отражения в Н1 мл. летописного свода 1076 г., а не 1090 г. (С. 267–271, 273–282).

Основные текстологические построения К. Цукермана, к сожалению, принять невозможно, так как они противоречат логике исследования.

К. Цукерман полагает, что в Н1 ст. сохранился древнейший вид Сказания 1016 г. (С. 194–195, 206, 293). Проверить это предположение невозможно, так как первые тетради рукописи XIII в. утеряны, текст Н1 ст. начинается с середины статьи 6524 (1016) г. — с рассказа о Любечской битве Ярослава со Святополком. Статья 6524 г. как граница была выделена еще А. А. Гиппиусом, но только для ПВЛ. В Н1 ст. и Н1 мл. под 6524 г. читается совершенно другой текст, где обращения новгородцев к Ярославу вообще нет, соответственно, нет и архаической формы аориста «рѣша». К. Цукерман полагает, что рассказ о событиях 1016 г. из Н1 ст. был записан в окружении Ярослава (С. 292), но его полностью переделали позднее, причем даже не при составлении свода 1076 г., а еще позже, когда формировался источник ПВЛ (С. 249–252, 268–269). Редакция рассказа о Любечской битве из свода 1076 г. читается в Н1 мл. (С. 222–228, 243–248, 266), где обращения новгородцев к Ярославу опять нет. Таким образом, элемент, который маркировал границу 1016 г. у А. А. Гиппиуса, из построений К. Цукермана убран, так как текст статьи ПВЛ сложился после 1076 г. и никакого отношения к первоначальному Сказанию 1016 г. не имеет.

Тем не менее К. Цукерман продолжает настаивать на существовании этой границы и на том, что в Н1 ст. представлено Сказание 1016 г., которое привез в Новгород Всеволод Мстиславич в начале XII в. (С. 229, 265). Здесь он вынужден прибегнуть к целому ряду ложных посылок. Указание на то, что языческая жена Владимира Рогнеда жила там, «иде же ныне стоит сельце Предславино», толкуется как записанное до того, как ее дочь Предслава попала в 1018 г. в плен к Болеславу Польскому, захватившему Киев (С. 199–200). Но сначала следовало доказать, что это указание отличается от серии топографических уточнений в статье 6453 г. ПВЛ и Н1 мл. о приходе древлянских послов к княгине Ольге. В качестве ориентиров указаны дворы Гордяты, Никифора, Воротислава и Чудина. Комментаторы неоднократно отмечали, что, согласно ПВЛ, Чудин «держа Вышегородъ» во время перенесения мощей свв. Бориса и Глеба в 1072 г. Вместе с Микифором Кьянином он упомянут в преамбуле к Правде Ярославичей, принятой после 1054 и до 1073 г. Имя «Предслава» известно в княжеском женском именованье начиная с договора Игоря с греками 944 г. и вплоть до конца XII в. Его носила и дочь Святослава Ярославича, скончавшаяся монахиней в 1116 г.⁶ Так как ее братья действовали в 70-е годы XI в. как самостоятельные князья, то и она вполне могла в это время быть замужем и владеть селом. Выше в статье 980 г., где упоминается сельцо (в Н1 мл. «селище») Предславы, летописец пишет о Теремном дворе, где по приказу Владимира был убит его старший брат Ярополк: «о немъ же преже сказахомъ». Местоположение Теремного двора определялось в той же статье 945 г. Доказательств, что «Предславино село» не являлось владением в 70-х годах XI в., в статье нет. Удивляет призыв К. Цукермана передатировать «бифолий» прекрасно изученной рукописи «Хроники» Титмара Мерзебургского. Это весьма редкий даже для западной хронистики случай, когда произведение автора, скончавшегося 1 декабря 1018 г., сохранилось в рукописи, выверенной и дополненной им лично. Известие о походе Болеслава на Русь в 1017 г. (факультативное для Титмара) не укладывается в концепцию К. Цукермана. Так как поставить под сомнение компетенцию немецких

⁶ ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 284.

палеографов сложно, наш автор хотел бы передатировать всего один лист. Справедливости ради нужно отметить, что данные Титмара и не опровергают, и не подтверждают гипотезу К. Цукермана о записи текста статьи 1016 г. в Н1 ст. и Н1 мл. до 1017 г.

К. Цукерман отмечает, что после 1016 г. в Н1 ст. и Н1 мл. встречаются только краткие статьи. Добавлю, что Н1 мл. содержит еще меньше известий, чем Н1 ст., вплоть до 6552 г., начиная с которого постепенно появляется все больше новгородского и киевского материала, пока не восстанавливается почти полное тождество с ПВЛ. В Н1 ст. крайне скупое изложение с очень редкими даже новгородскими известиями и многочисленными пустыми годами продолжается вплоть до пустого 6583 г., с которого Н1 ст. и Н1 мл. совпадают практически полностью. В отличие от всех остальных исследователей К. Цукерман видит здесь не факт истории новгородского летописания, а отражение первоначального Сказания 1016 г. в Н1 ст. (С. 227–229, 265).

По мнению К. Цукермана, в Н1 мл. отразилась редакция сказания 1076 г., и она же послужила источником для Паримийных чтений Борису и Глебу. Автор справедливо упрекает меня за то, что я, вслед за рядом моих предшественников, предположила существование общего источника чтений и летописной статьи 1019 г. в ПВЛ. Но яркость изложения вовсе не означает первичности текста. «Собрание» из цитат было одним из стилистических приемов, и именно по этому принципу сделано все Первое чтение Паримий Борису и Глебу. Соображения К. Цукермана относительно первичности Паримий по отношению к фрагментам статей 1015 и 1019 г. в ПВЛ не новы. Здесь есть и досадный недосмотр. К. Цукерман пишет о недостаточности аргументации существования общего источника: «В последнем случае пришлось бы предположить, что автор чтений искусно надстроил текст, обыграв цитату из Псалтири (“Стѣнамъ твоимъ...”), и еще более искусно ввел в него фразу: “Отъять бо отъ насъ Богъ Володимира, а Святополка наведе грѣхъ ради нашихъ, якоже дрѣвле наведе на Иерусалимъ Антиоха”, так что последующая цитата из Исая цеплялась за упоминание Иерусалима. Не сомневаюсь, что эта фраза была, наоборот, сокращена летописцем» (С. 234). Во-первых, «Стѣнамъ твоимъ...» — это не цитата из Псалтири, а перефразировка Ис. 62: 61, на что указывали и Н. Н. Невзорова⁷, и я. Автор обращается к Вышгороду, где покоятся мощи святых, которые его и защищают. Во-вторых, за этим обращением следует не сравнение Святополка с Антиохом, а совпадающий с ПВЛ рассказ об убийстве по его приказу Святополка (см. таблицу на с. 232). В него вплетена перефразировка пророчества Даниила, что указано у Невзоровой, но не упомянуто у Цукермана. Предшествующая в ПВЛ этому рассказу похвала святым ни одним словом не совпадает ни с Паримией, ни с похвалой, завершающей Анонимное сказание или Чтение Нестора. Вопрос о происхождении этой похвалы не ставится, и не ясно, полагает К. Цукерман вслед за А. А. Шахматовым, что она была написана в 90-е годы XI в. или раньше.

Рассказ об Альтской битве в Паримийных чтениях К. Цукерман считает источником статьи 1019 г. в ПВЛ (С. 232–243). Текст чтения состоит из двух частей. Первая совпадает с описанием боя в ПВЛ под 1019 г., вторая — с описанием боя тоже в ПВЛ, но другого. Это битва 6532 (1024) г. под Лиственном Ярослава с братом Мстиславом Тмутараканским. В ПВЛ написано, что он внезапно напал на Ярослава ночью во время грозы, в результате чего Ярослав был разбит. Альтская битва началась на рассвете и закончилась к вечеру разгромом Святополка. По мнению К. Цукермана, летописец первую часть рассказа использовал под 1019 г., а вторую под 1024 г. Не могу не привести объяснения того, почему в рассказ о победе над Святополком не вошло указание паримии о помощи ангелов Ярославу: «Механика выпадения ангелов, однако, достаточно ясна. Тогда как в паримии бой со Святополком затягивается затемно, летописец завершает его при наступлении сумерек, а элементы ночного боя, как то блеск оружия при свете молний, переносит на Лиственскую битву. Ангелы принимают участие в паримии (как и в Н1 мл.) именно в ночном бою,

⁷ Невзорова Н. Н. Паримии Борису и Глебу. Опыт прочтения // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. 56. С. 437–438.

ибо они представлялись, очевидно, как некие светлые тела, подобно молниям, блиставшим во тьме. Потому летописец и не переместил ангелов в описание дневного боя, а их явление в Лиственской битве, проигранной Ярославом, было бы неуместно» (С. 242). Не собираясь вступать с уважаемым автором в дискуссию о том, в какое время суток бывают видны ангелы, отмечу, что в ПВЛ в рассказе о победе над половцами 27 марта 1111 г., одержанной днем, летописец все же повествует о помощи ангелов. Хотя для русских половцы были невидимо «биемы ангеломъ», но сами они потом рассказывали, что «друзии ездяху верьху васъ въ оружии свѣтъльѣ и страшнѣ»⁸.

Далее К. Цукерман пишет о заимствовании фактической части паримии все же из летописи — из Н1 мл., вернее, отразившегося в ней Свода 1076 г. (С. 243–248). Это касается описания сборов Ярослава в поход на Святополка в Новгороде в 1015 г. Битвы 1019 и 1024 г. в число фактов не входят. Автор чтений сочинил новый рассказ о битве со Святополком и перенес место действия на Альту, чтобы прославить Ярослава, а заодно и создать «реванш за всем еще памятное поражение, понесенное русским воинством от степняков, как ни печально на Альте, летом 1068 г.» (С. 248). Основой его фантазии, тем не менее, была статья 1016 г. (С. 226–227, 254–256). Создатель «источника ПВЛ» взял рассказ о битве под Любечем из Н1 мл. (С. 249–252, 257–258), но и Паримию решил использовать: часть рассказа о битве на Альте поместил под 1019 г., а часть — под 1024 г., в описание боя под Лиственном (С. 242, 249, 257, 268).

Пикантность ситуации состоит в том, что в Н1 мл. нет ни одного из тех обширных текстов ПВЛ, которые дословно совпадают с Паримией. В Н1 мл. нет даже цитированного на с. 232–233 рассказа о судьбе Святослава Владимировича (ПВЛ под 6523 г.). Этот факт неоднократно отмечен К. Цукерманом. В Н1 мл. нет рассказа о битве на Альте в 1019 г., где ПВЛ опять совпадает с Паримией (С. 235–237). Рассказ о битве на Альте в 1019 г. в ПВЛ и в Паримии ничем не совпадает с рассказом о битве у Любеча в 1016 г. в ПВЛ. В свою очередь, рассказы о битве у Любеча в Н1 ст. и Н1 мл., с одной стороны, и в ПВЛ — с другой, тоже отличаются друг от друга. К. Цукерман этого не отрицает (С. 223), но, тем не менее, постулирует зависимость и ПВЛ под 1016 г., и Паримии от статьи Н1 мл.

В Н1 мл. совпадают с ПВЛ и Паримией только **дополнения** по сравнению с сохранившимся текстом Н1 ст. (с середины статьи). Приведем их полностью, вставки выделены курсивом: *«И бысть сѣча зла, оже за руки емлюще ся, сѣчаху, и по удолиемъ крѣвь течаше. Мнозѣ вѣрнии видяху ангелы Божии, помагающа Ярославу. И до свѣта побѣдиша Святополка. И бѣжа Святополкъ въ печенеги. И бысть межи Чахи и Ляхы, никимъ же гонимъ пропаде оканнии, и тако злѣ животь вои сканца, яже дымъ и до сего дни есть»*. Первая вставленная фраза находит соответствие в статье 1019 г. в ПВЛ об Альтской битве и в Паримии, вторая — только в Паримии. Третья вставленная фраза является пересказом текста ПВЛ, в Паримии он отсутствует. Мне уже приходилось отмечать, что весь текст, соотносимый с ПВЛ, читается и в Анонимном сказании о Борисе и Глебе.

В статье 1015 г. в Н1 мл. есть заимствование из Анонимного сказания по сравнению с ПВЛ: рассказ об обретении мощей Глеба. В конце статьи 6524 (1016) г. Н1 мл. был вставлен текст Русской правды краткой редакции. С тем, что это дополнения по отношению к Н1 ст., согласен и К. Цукерман (С. 208), но, по его мнению, вставки Русской правды под 1016 г. и дополнения в статью 1015 г. делал один летописец, а в рассказ о Любечской битве другой. Его расширили в своде 1076 г., и этот дополненный текст сохранился в Н1 мл., послужил основой для ПВЛ и для Паримии.

Текст без вставок становится основой для рассказа о бое 1016 г. под Любечем в ПВЛ. Логичнее было бы предположить, что в источнике ПВЛ обратились к Н1 ст., так как в ней вставок нет, но К. Цукерман всюду пишет именно об Н1 мл. (С. 249–252, 257–258). На с. 267–269 он полемизирует с Т. Вилкул, которая доказывает первичность здесь текста ПВЛ.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 267–268.

Весьма примечательно, что оба несогласных друг с другом исследователя отказываются признать новгородское происхождение статьи 1016 г. в Н1 мл. и Н1 ст., хотя существование в Новгороде XI в. летописания К. Цукерман вроде бы не отрицает.

Вставки в Н1 мл. по сравнению с Н1 ст. тоже не пропадают. Первая фраза используется в статье 1019 г. в выдуманном рассказе о битве на Альте, но входит туда в составе обширных заимствований из Паримии. Третья фраза, отсутствующая в Паримии, послужила толчком для написания в источнике ПВЛ под 1019 г. рассказа о бегстве Святополка с Альты. На него напал бес, его разбил паралич, его на носилках довели до Берестья, и все это было прежде, чем он умер «межи Чахы и Ляхы» (С. 239–240). Как видно, из таблицы на с. 239, этого рассказа в Н1 мл. нет.

К. Цукерман предполагает настоящее текстологическое чудо: и в ПВЛ, и в Паримию вошли только те фразы Н1 мл., которых нет в Н1 ст. Кроме того, они еще и послужили основой для появления новых текстов. Почему и летописец, и создатель Паримии обратили внимание именно на дополнения, а весь остальной текст Н1 мл. переделали до неузнаваемости, К. Цукерман не объясняет.

Мысль, что никакой битвы на Альте в 1019 г. не было, впервые высказал Н. Н. Ильин⁹. Для всех противников историчности рассказа ПВЛ есть один камень преткновения — битва на Буге в 1018 г., в которой Ярослав потерпел сокрушительное поражение от Болеслава Польского и Святополка. Она не упомянута ни в Н1 ст. и Н1 мл., ни в Паримии, ни в Анонимном сказании, ни у Нестора в «Чтении», но она подробно и даже с точными датами описана у Титмара Мерзебургского, скончавшегося 1 декабря того же года. Сложнее всего здесь К. Цукерману, согласно концепции которого даже в своде 1076 г. повествование обрывалось на событиях 1017 г. К. Цукерман вскользь указывает, что описание этого боя в ПВЛ «строится сводчиком не без влияния им же отредактированного описания Любецкой битвы» (С. 257), но все же объявить Титмара жертвой коллективной галлюцинации или предложить передатировать все окончание рукописи «Хроники» не предлагает.

В начале своей работы К. Цукерман перефразирует А. Дэна: «не стоит множить нежить» (С. 190), и к этой мысли возвращается неоднократно. Но в решении вопроса, откуда в ПВЛ взялся рассказ о битве на Буге, К. Цукерман обращается именно к ныне не существующему тексту — к Житию Антония, известному только по ссылкам в Киево-Печерском Патерике. В Патерике в рассказе о преп. Моисее Угрине, брате Георгия Угина, слуги св. Бориса, говорится, что после гибели брата вместе с князем он вернулся в Киев к Предславе, а потом вместе с другими пленниками Болеслава попал в Польшу. В тексте есть ссылка на Житие Антония как на источник, но там даже не упоминается битва на Буге. Существенно, что уже в начале XV в., когда в состав Патерика Арсениевской редакции было включено «Житие Феодосия Печерского» Нестора, Житие Антония не было известно. В Пространной редакции Пролога, сложившейся, согласно О. В. Лосевой, в 60-е годы XII в., в качестве памяти преп. Антония приводится текст статьи 1051 г. из ПВЛ о начале Печерского монастыря, тогда как Житие Феодосия послужило источником памяти святого и в Краткой, и в Пространной редакции¹⁰. Тексту, который никто не видел уже в начале XV в., можно приписать все что угодно, но насколько это согласуется с принципами, провозглашенными самим автором?

Приходится признать, что, несмотря на многие интересные наблюдения, касающиеся истории текста Н1 мл. и Н1 ст., реконструкции древнейшего летописного рассказа о свв. Борисе и Глебе и борьбе Ярослава со Святополком полностью произвольны. Текстология — это наука о сравнении текстов. Если тексты не совпадают, то можно говорить о заимствовании сюжета, героев, идеи произведения. Реальные исторические события изначально содержат и сюжет, и героев. Может меняться только идея, оценка действий и результатов. Если же мы предполагаем, что каждый

⁹ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957.

¹⁰ Артамонов Ю. А. Проблема реконструкции древнейшего жития Антония Печерского // Средневековая Русь. М., 2001. Вып. 3. С. 5–81; Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII — первой трети XV вв. М., 2009. С. 220–221.

автор сочиняет свой текст, меняя даже время и место действия, изобретая события, которых не было, то текстология теряет всякий смысл¹¹. С тем же успехом можно предположить, что единственной битвой Ярослава со Святополком была битва на Буге (она описана у современника), а все остальное было придумано летописцем. По методу К. Цукермана вывести из статьи 1018 г. ПВЛ тексты статей 1016 и 1019 г. так же легко.

Указанные недостатки не умаляют общего значения сборника, который является, напомним, первым в серии. Будем надеяться на скорое появление следующих выпусков. В заключение следует отметить работу К. Цукермана как редактора и составителя сборника, а также высокий полиграфический уровень исполнения книги, обилие цветных и черно-белых фотографий, что особенно важно в искусствоведческих статьях.

---

¹¹ Ср. последнюю работу на эту тему: Гиппиус А. А. «Летописные» Паремийные чтения о Борисе и Глебе: история текста и исторический контекст // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. М., 2010. Вып. 2. С. 42–71.

